

К.В. Никифоров

СЕРБИЯ НА БАЛКАНАХ
XX ВЕК

«Самое большое разочарование в моей жизни принесли мне победы. Победы не оправдывают себя. Я никогда не убивал. Но меня убивали. Золото до смерти. Моим хитом было бы лучше, если бы их написал какой-нибудь турок или немец. Я же был самым известным писателем самого ненавидимого народа – сербского народа. Новое тысячелетие началось для меня в 1999 году (три перекрестные шестерки) с третьей в моей жизни бомбардировки, когда самолеты НАТО стали сбрасывать бомбы на Белград, на Сербию. С тех пор Дунай – река, на берегу которой я живу, – перестал быть судходным. В целом я могу сказать, что в при жизни получил то, что многие писатели получают только после смерти. Даровав мне радость сочинительства, Бог вскоре осыпал меня милостями, во в той же мере и наказал. Наверное за эту радость».

Милорад Павич

Константин Владимирович Никифоров

Сербия на Балканах. XX век

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11104387
Сербия на Балканах. XX век / К. В. Никифоров: Индрик; Москва; 2012
ISBN 978-5-91674-209-1

Аннотация

В книге на широком балканском фоне рассматриваются важнейшие события истории сербского народа в XX веке. В центре исследования особенности его государственности в различных исторических формах – в качестве королевской и республиканской Сербии в начале прошлого и начале нынешнего веков, а также в составе карагеоргиевичевской, титовской и милошевичевской Югославии. Особое внимание уделено различным процессам, происходившим на Балканах в прошлом веке и самым непосредственным образом влиявшим на сербскую историю.

Для специалистов и всех интересующихся историей Сербии и Балкан.

Содержание

Введение	5
Часть I. Сербские сюжеты	9
Цикличность новой сербской истории	9
Парламентаризм в Сербии в XX веке	19
Югославский эксперимент	31
Воспроизводство советской модели	31
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Константин Никифоров

Сербия на Балканах. XX век

«Самое большое разочарование в моей жизни принесли мне победы. Победы не оправдывают себя.

Я никого не убивал. Но меня убивали. Задолго до смерти. Моим книгам было бы лучше, если бы их написал какой-нибудь турок или немец.

Я же был самым известным писателем самого ненавидимого народа – сербского народа.

Новое тысячелетие началось для меня в 1999 году (три перевернутые шестерки) с третьей в моей жизни бомбардировки, когда самолеты НАТО стали сбрасывать бомбы на Белград, на Сербию.

С тех пор Дунай – река, на берегу которой я живу, – перестал быть судоходным.

В целом я могу сказать, что я при жизни получил то, что многие писатели получают только после смерти.

Даровав мне радость сочинительства,

Бог щедро осыпал меня милостями, но в той же мере и наказал.

Наверное за эту радость»

Милорад Павич

Книга публикуется в рамках Программы фундаментальных исследований ОИФН РАН «Нации и государство в мировой истории».

Рецензенты:

доктор исторических наук *А.Л. Шемякин*

кандидат исторических наук *Л.В. Кузьмичева*

Введение

Эта книга сложилась из многолетних раздумий автора об истории сербов¹. Какие-то мысли в той или иной форме уже излагались им в научной литературе, какие-то публикуются впервые. Причем речь прежде всего идет о сербской государственности в XX веке. Иногда, правда, освещаются и некоторые другие, но связанные с нею проблемы, а при необходимости хронологические рамки немного раздвигаются и захватывают конец XIX и начало XXI вв.

В любом случае сербская государственность – одна из важнейших проблем исторической сербистики². Особенно это применимо к новому времени. Для самих сербов после нескольких веков закабаления – идея своего государства имела почти сакральное значение.

В то же время это государство принимало самые различные очертания по форме и содержанию. Французский политолог Алексис Труд справедливо определяет Сербию как государство с постоянно изменяющимися границами³. И особенно разительные метаморфозы претерпела сербская государственность в XX веке – от королевской Сербии, в которой произошла смена династии, через три абсолютно разные Югославии и до современной республиканской парламентской Сербии.

Кроме того, в начале XX в. существовало еще одно сербское государство – Черногория. В 2006 г. она, вновь добившись независимости, почти отреклась от своего сербского происхождения. Наконец, в 1990-е годы сербская государственность существовала также в форме двух непризнанных государств – Республики Сербская Краина и Республики Сербской. И если Республика Сербская сохранилась как одна из двух частей дейтонской Боснии и Герцеговины, то Республика Сербская Краина прекратила свое существование.

В этой книге мы, с одной стороны, говорим в основном только о собственно Сербии, о ее постоянно менявшейся государственности. Причем военные сюжеты, на которые был так богат для сербов XX век, почти не освещаются. Они требуют отдельного рассмотрения, и многое на этом направлении уже сделано. Но, с другой стороны, добавлены балканские сюжеты. Несколько глав книги посвящены процессам, которые проходили в прошлом столетии на Балканах, но которые оказали заметное влияние на ход сербской истории и развитие сербской государственности.

Понять сербскую историю без общевалканских процессов нельзя. Абсолютно прав был известный сербский историк Радован Самарджич, который любил повторять, что невозможно быть специалистом по истории Сербии, не будучи одновременно специалистом по истории Балкан, причем изучаемых на широком общевалканском фоне. И действительно, история Сербии – это своего рода матрешка, где собственно сербская история вставлена в историю Балкан, а история Балкан, в свою очередь, – в общевалканскую и всемирную историю.

---

¹ В 1982 г., ровно 30 лет назад, автор переступил порог академического Института славяноведения (тогда – Института славяноведения и балканистики) и уже профессионально занялся сербской и балканской историей. Написанию этой книги частично способствовал и спецкурс, который с 2006 г. читается им для студентов кафедры истории южных и западных славян исторического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

² Недаром последний обобщающий трехтомник по истории Сербии, принадлежащий перу сербских авторов, так и называется: «История сербской государственности». См.: *Благојевић М., Медаковић Д.* Историја српске државности. Књига I. Од настанка првих држава до почетка српске националне револуције. Нови Сад, 2000; *Љушић Р.* Историја српске државности. Књига II. Србија и Црна Гора – нововековне српске државе. Нови Сад, 2001; *Димит Љ.* Историја српске државности. Књ. III. Србија у Југославији. Нови Сад, 2001.

³ *Trud A.* Geopolitika Srbije. Beograd, 2007. S. 49.

В своей работе мы, естественно, опирались на труды предшественников. Не разбирая их подробно, скажем только, что поколение послевоенных отечественных историков-славистов и балканистов заложило основы, если можно так выразиться, монографического изучения истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы. До этого углубленно изучалась преимущественно российская история или история более крупных зарубежных государств. Но это поколение ученых, помимо всего прочего, убедительно доказало, что для исторической науки не имеет принципиальной разницы – идет ли речь об огромной тысячелетней империи или о недавно образовавшемся небольшом государстве. Законы общественного развития – едины для всех и могут изучаться на любом материале.

Монографическое направление в исследованиях остается и, по-видимому, останется в обозримом будущем доминирующим направлением мировой, в том числе и российской исторической науки. В полной мере это относится и к истории Сербии. Специалисты рассматривают в монографиях отдельные проблемы ее истории, отдельные источники, деятельность отдельных исторических персонажей. При этом стоит отметить, что по разным причинам история Сербии XX в. изучена в России крайне неравномерно: начало века (включая Первую мировую войну) с фактологической точки зрения изучено намного лучше, чем остальная часть XX в., особенно период после Второй мировой войны. С историологической же точки зрения – сделать предстоит еще много по всем периодам новой сербской истории.

К сожалению, в советское время заниматься послевоенной «ревизионистской» Югославией и входящей в нее Сербией было намного труднее, чем историей других бывших европейских социалистических стран; разрешение на публикацию любой книги, связанной с современной югославской проблематикой, даже после нормализации советско-югославских отношений давалось фактически на уровне Центрального комитета КПСС. И даже тем изданиям, которые выходили, часто присваивался гриф «ДСП» – «для служебного пользования».

В результате долгие годы самым серьезным исследованием по внутренней истории социалистической Югославии оставалась, на наш взгляд, вышедшая под грифом «ДСП» монография П.Е. Канделя⁴. Понятно, что Кандель был не свободен в своих оценках, и они сегодня нуждаются в серьезной коррекции. Однако циклы развития югославского общества определены им новаторски и вполне достоверно.

Открытый доступ в те годы, по существу, ограничивался двумя коллективными трудами Института экономики мировой социалистической системы АН СССР (ныне – часть Института экономики РАН), которые так и назывались: «Социалистическая Федеративная Республика Югославия»⁵. Оживление в изучении послевоенной Югославии в отечественной исторической науке началось уже в конце периода «перестройки» в Советском Союзе⁶.

Но тут на какое-то время главное внимание российских ученых оказалось приковано к югославскому кризису конца XX – начала XXI вв.⁷ Кстати, некоторые исследователи поспешили назвать череду войн на постюгославском пространстве – «Третьей балканской войной», что являлось очень большой натяжкой. Также нельзя югославский кризис (1991–2001 гг.) называть балканским, что порой еще встречается в историографии. За пределы быв-

---

⁴ Кандель П.Е. Югославское самоуправление и основные направления внешней политики СФРЮ (1949–1979). М., 1979.

⁵ Социалистическая Федеративная Республика Югославия / Отв. ред. Л.А.Никифоров. М., 1975; Социалистическая Федеративная Республика Югославия / Отв. ред. Л.А.Никифоров. М., 1985.

⁶ См., например: *Гибанский Л.Я.* Советский Союз и новая Югославия. 1941–1947 гг. М., 1987; *Кузнецовский В.Д.* Эволюция югославской концепции социализма. М., 1990; *Каменецкий В.М.* Политическая система Югославии (1950–1980 гг.). М., 1991; *Гиренко Ю.С.* Сталин-Тито. М., 1991.

⁷ См., например: *Волков В.К.* Трагедия Югославии // Новая и новейшая история. 1994. № 4–5; *Мартынова М.Ю.* Балканский кризис: народы и политика. М., 1998; *Никифоров К.В.* Между Кремлем и Республикой Сербской. (Боснийский кризис: завершающий этап). М., 1999; *Романенко С.А.* Югославия: кризис, распад, война. Образование независимых государств (национальное самоопределение народов Центральной и Юго-Восточной Европы в XIX–XX вв.). М., 2000; *Гуськова Е.Ю.* История югославского кризиса (1990–2000). М., 2001 и другие работы.

шей Югославии кризис так и не вышел, и нет никакой причины придавать ему в названии региональный характер. Тем более что именно этим часто обосновывалась правомерность вмешательства в югославские дела со стороны так называемого мирового сообщества.

Кризис, наконец, закончился, и в последнее время отечественные авторы смогли вернуться к собственно истории Югославии (и Сербии в ней) в XX столетии. Почти одновременно свет увидели несколько серьезных монографий⁸.

Однако даже после исчезновения идеологических запретов в России остались серьезные проблемы с рассекречиванием архивных материалов, касающихся советского и особенно послевоенного периода отечественной истории. После недолгого периода открытости документы вновь стали труднодоступными⁹. В результате можно сказать, что на монографическом исследовательском уровне история Югославии и Сербии отечественными историками фактически доведена только до конца 1950-х годов. Начиная с 1960-х годов югославская история изучена намного хуже и в основном на югославских документах. Дальнейшее развитие российской исторической науки должно привести к заполнению существующих пробелов.

Другая проблема заключена в том, что читателю, начинающему исследователю становится все труднее разбираться во все увеличивающемся потоке специальной научной литературы. Растет потребность и в работах совершенно другого характера, прежде всего – в обобщающих трудах, в осмыслении уже написанного.

В конце 1980-х годов в Институте славяноведения была предпринята попытка написания кратких историй стран Центральной и Юго-Восточной Европы, но по истории Югославии запланированный труд выйти в свет не успел. Пали все запреты, и еще не написанный труд устарел уже на стадии обсуждения.

После этого появилось несколько обобщающих работ по истории соседних с Сербией стран. Назовем, в частности, книги Ар. А. Улуныя «Политическая история современной Греции. Конец XVIII в. – 90-е гг. XX в.» (М., 1998), В.И. Фрейдзона «История Хорватии. Краткий очерк с древнейших времен до образования республики (1991)» (СПб., 2001), Н.Д. Смирновой «История Албании в XX веке» (М., 2003). К ним примыкает недавно вышедшая книга Л.А. Кирилиной, Н.С. Пилько и И.В. Чуркиной «История Словении»¹⁰. Все эти труды носят в основном описательный характер, сродни курсу лекций, что, однако, не принижает их значимости.

Работы подобного рода имеют также прикладное значение. События 1990-х годов в бывшей Югославии выявили, с одной стороны, неподдельный интерес общественности России к сербской истории, а с другой – огромный дефицит соответствующей литературы. Посоветовать что-то для чтения широкой публике довольно трудно. Научно-популярная литература по истории Сербии, сербской культуры, русско-сербских связей также практически отсутствует, заменяется всевозможными суррогатами. А ведь именно с нее, наверное, должно начинаться знакомство с сербской историей и культурой¹¹.

Еще одним своего рода мостиком между исследовательскими и обобщающими работами могла бы стать литература историографического характера. Однако она почти всегда

---

⁸ См.: *Аникеев А.С.* Как Тито от Сталина ушел: Югославия, СССР и США в начальный период холодной войны (1945–1957). М., 2002; *Едемский А.Б.* От конфликта к нормализации: советско-югославские отношения в 1953–1956 годах. М., 2008; *Силкин А.А.* Королевство сербов, хорватов и словенцев: на пути к диктатуре. 1918–1929 гг. СПб., 2008.

⁹ Сошлемся на руководителя архивной службы России в 1990–1996 годах. См.: *Пихоя Р.Г.* Советский Союз: история власти. 1945–1991. М., 2000. С. 651.

¹⁰ *Кирилина Л.А., Пилько Н.С., Чуркина И.В.* История Словении. СПб., 2011.

¹¹ Из серьезных работ назовем перевод на русский язык книги сербского академика С. Чирковича (*Чиркович С.М.* История сербов. М., 2009).

в дефиците¹², а сегодня даже рецензии на работы коллег пишутся неохотно. В итоге в России почти не выходит работ, специально посвященных развитию сербской исторической науки, исторической мысли¹³. Между тем такие работы были бы очень интересны. Специальных исследований заслуживают и отдельные ученые, например, такой признанный сербский историк, правовед и государственный деятель из межвоенного периода, как Слободан Йованович или, если говорить о современности, Бранко Петранович, Сима Чиркович и Милорад Экмечич. Можно уже обратить внимание и на творчество представителей следующего поколения сербских историков. Разумеется, специальных исследований заслуживают также работы отечественных историков, и не только дореволюционных¹⁴, но и современных. Прежде всего это относится к историкам из блестящего поколения С.А. Никитина, Ю.А. Писарева, И.С. Достян, В.Н. Виноградова, В.К. Волкова¹⁵.

Наконец, в Институте славяноведения РАН был в последние годы реализован большой проект по написанию истории славянских народов в XX веке – одновременно и исследовательский, и обобщающий¹⁶. Этот проект помогает увидеть, как же в целом выглядит сегодня история славянских народов, по частям составлявшаяся учеными в прошедшие десятилетия, представить себе общую картину, основные тенденции, выводы, этапы, наметить будущие исследования.

В полной мере это относится к труду «Югославия в XX веке», в котором Сербия занимает центральное место. До этого в отечественной историографии подобной обобщающей работы по новейшей истории югославянских народов не было. Предыдущий труд – двухтомная «История Югославии» – был написан еще в 1963 г. Повествование в нем доведено лишь до 1945 г.¹⁷

---

¹² Больше двадцати лет назад вышел историографический очерк: *Вяземская Е.К., Данченко С.И.* Россия и Балканы. Конец XVIII в. – 1918 г. (Советская послевоенная историография). Обзор. М., 1990. С. 5.

¹³ О сербской историографии см., в частности, полемическую книгу М. Йовановича и Р. Радича (*Јовановић М., Радич Р.* Криза историје: српска историографија и друштвени изазови краја 20. и почетка 21. века. Београд, 2009).

¹⁴ См., например: *Воробьева И.Г.* Профессор-славист Нил Александрович Попов. Тверь, 1999.

¹⁵ Пока в свет вышли лишь несколько сборников, посвященные памятным датам этих крупных ученых. См., например: Профессор Сергей Александрович Никитин и его историческая школа. Материалы международной конференции. М., 2004; В «интерьере» Балкан. Юбилейный сборник в честь Ирины Степановны Достян. М., 2010; Славянство, растворенное в крови... В честь 80-летия члена-корреспондента Российской академии наук Владимира Константиновича Волкова. М., 2010.

¹⁶ Болгария в XX веке. Очерки политической истории / Отв. ред. Е.Л. Валева. М., 2003; Чехия и Словакия в XX веке. Очерки истории в 2 кн. / Отв. ред. В.В. Марьина. М., 2005; Югославия в XX веке. Очерк политической истории / Отв. ред. К.В. Никифоров. М., 2011; Польша в XX веке / Отв. ред. А.Ф. Носкова. М., 2012 (в печати).

¹⁷ История Югославии в двух томах. М., 1963. Т II.

Часть I. Сербские сюжеты

Цикличность новой сербской истории

Мы постараемся изложить некоторые мысли, выявить проблемы, поставить вопросы, которые, возможно, помогут настоящим и будущим исследователям при осмыслении новой истории Сербии.

При общем взгляде на достаточно длительные временные отрезки большое значение приобретает их периодизация. В случае с Сербией XIX и XX вв. в качестве критерия можно взять «государственность» сербского народа. Тогда получится, что его история имеет определенную цикличность и распадается на пять этапов, четыре из которых частично или полностью захватывают XX век:

- борьба за независимость, то есть «Сербская революция» и автономное княжество (1804–1878)¹⁸;
- независимое государство – Сербское королевство (1878–1918);
- Сербия в составе «первой», карагеоргиевичевской (королевской) Югославии (1918–1944);
- Сербия в составе «второй», титовской (социалистической) Югославии (1944–1992);
- Сербия в составе «третьей», милошевичевской (сербско-черногорской) Югославии (1992–2000).

Характерно, что каждый этап одновременно начинается и заканчивается с больших международных потрясений:

- начало наполеоновских войн (они хотя и не затронули собственно сербские земли, но окончательно сделали Балканы объектом международных отношений);
- Восточный кризис 70-х годов XIX в.;
- Первая мировая война;
- Вторая мировая война;
- наконец, современный югославский кризис, включая и натовскую агрессию против Югославии в 1999 г.

Таким образом, именно международные события, борьба держав на Балканах и за Балканы в решающей степени влияли на очередные крутые повороты в истории Сербии. Именно эти события во многом жестко структурируют всю ее новую историю.

После завоевания Турцией Балканы фактически оказались в Азии. Недаром и в России этим регионом занимался Азиатский департамент Министерства иностранных дел. И только через несколько столетий началось возвращение этого региона в Европу.

Балканы стали частью общеевропейской международной системы в последней трети XVIII в., в связи с возникновением Восточного вопроса. А сам Восточный вопрос был открыт Кучук-Кайнарджийским миром, заключенным после русско-турецкой войны в 1774 г.¹⁹ Чуть позже состоялась и последняя австрийско-турецкая война (1788–1791 гг.). Одновременно Великая французская революция и начало наполеоновских войн ускорили

---

¹⁸ Сербский историк Р. Люшич делит этот этап на две части 1835-м годом, когда Сербия не только обрела автономию, но и рассталась с турецкой феодальной системой. Подробнее о периодизации истории Сербии в XIX и начале XX вв. см.: *Љушић Р. Државно-друштвена и генерацијска периодизација нововековне Србије (1804–1918)* // *Љушић Р. Србија 19. века* (2). Београд, 1998. С. 9–33.

¹⁹ См.: *Достян И.С. Особая позиция России // Александр I, Наполеон и Балканы*. М., 1997. С. 15.

процесс втягивания Юго-Восточной Европы в мировые международные отношения, что не могло не сказаться на судьбах проживавших там народов.

Сербский историк Радош Люшич пишет: «Конец XVIII и начало XIX в. представляют собой время войн и революций, и его можно считать переломным периодом в истории Европы и, естественно, Балкан, являющихся ее частью... В это военное и революционное время из темной бездны Балкан вырвалась накопленная за века духовная и физическая сила измученного сербского народа и как лавина стала сметать феодальную Турецкую империю»²⁰.

Подобно тому, как рубеж XVIII и XIX вв. открыл Балканы Европе и миру, рубеж XIX и XX вв. окончательно сделал их «интегральной частью Европы». Более того, регион «превратился в центр конфликта континентальных и морских европейских держав»²¹. Этот конфликт, в свою очередь, привел к Первой мировой войне, после которой мир базировался на системе Версальских договоров 1919–1920 гг. Одновременно с распадом Османской империи Восточный вопрос исчез из повестки дня международной дипломатии, но Балканы уже никогда не теряли свое значение для международных отношений. Таковыми они были и во время Второй мировой войны, которая закончилась Ялтинско-Потсдамским урегулированием 1945 г. и установлением блокового биполярного мира. Наконец, югославский кризис, разразившийся после окончания «холодной войны» в конце XX в., стал ареной и ярким свидетельством складывания нового натоцентристского миропорядка во главе с США.

Таким образом, при замене одной системы международных отношений на другую важнейшую роль играли именно Балканы и, в частности, Сербия. Резкие повороты в развитии последней практически совпадают с установлением новых моделей системы международной безопасности. Но даже в периоды относительного затишья между очередными кризисами внутренние проблемы Балкан не шли ни в какое сравнение с их значением для международных отношений.

И еще одно интересное наблюдение. Замечено, что Великая французская революция стала своего рода «матрицей» для XIX века, а Первая мировая война – для XX века.²² На наш взгляд, вполне возможно, что подобной «матрицей» для XXI века, по крайней мере для его первой половины, окажется югославский кризис 1991–2001 гг. Совершенно очевидно, что многие последовавшие вскоре войны в разных частях мира были развязаны по югославскому сценарию.

* * *

Кроме глобального международного фона, в истории Сербии как уже отмечалось, четко выделяется балканский пласт: региональное соперничество и сотрудничество балканских государств. Хотя, конечно, этот пласт чаще всего определялся деятельностью тех же великих держав. Вспоминается сербская шутка о балканском любовном треугольнике, при котором «Сербия любит Россию, Россия любит Болгарию, а Болгария – Германию». И все несчастны.

Говоря о региональной проблематике, нельзя обойтись без упоминания о «Начертании» Илии Гарашанина. Речь в этом документе шла прежде всего об объединении сербского народа²³. Между тем, «Начертание» трактуется некоторыми историками и политиками как

---

²⁰ *Люшич Р.* Други српски устанак (1815) // *Люшич Р.* Србија 19. века. Београд, 1994. С. 65.

²¹ *Борђевић Д.* Огледи из новије Балканске историје. Београд, 1989. С. 36.

²² См.: *Екмечић М.* Огледи из историје. Београд, 1999. С. 163.

²³ Подробнее о «Начертании» см., например: *Люшич Р.* Књига о Начертанију. Национални и државни програм Кнежевине Србије (1844). Београд, 1993; *Никифоров К.В.* Сербия в середине XIX в. (Начало деятельности по объединению

доказательство якобы извечного стремления сербов к доминированию над соседними народами, к созданию так называемой «Великой Сербии». Это словосочетание – «Великая Сербия» – вообще превратилось в своего рода жупел, наполнилось резко отрицательным, великодержавным смыслом²⁴. В 90-е годы XX в. клише «Великая Сербия» без конца повторяли не только журналисты, но и ведущие политики, в том числе, к сожалению, и некоторые российские.

Однако в «Начертании» не было идей национализма, шовинизма или национального превосходства, не было и ничего необычного для своего времени. Достаточно сказать, что в том же 1844 г., когда «Начертание» было написано, возникла известная «мегали идея» («великая идея») в Греции, позже идеи объединения Дунайских княжеств, создания Великой Болгарии, Великой Албании и т. п. Идея Великой Сербии как идея собирания всех сербских земель в одном государстве была не хуже и не лучше всех этих планов.

В целом балканский фон проходит через всю новую сербскую историю. Говоря о XX веке, уместно отметить такие региональные объединения, как Балканский союз времен Балканских войн; Малую, а затем Балканскую Антанту в межвоенный период; планы создания Балканской федерации, почти перешедшие в практическую плоскость сразу после Второй мировой войны, а затем и Балканский пакт первой половины 1950-х годов как своего рода региональный филиал НАТО. Собственно, и идеи южнославянского единства из XIX в., и образование единого государства югославян в 1918 г. в определенной степени находятся в этом же ряду.

* * *

Теперь обратимся к собственно сербской истории. По точному наблюдению крупнейшего сербского историка Слободана Йовановича, в общественно-политической жизни Сербии на протяжении длительного периода присутствуют две главные идеи – национальная и конституционная²⁵. Отмеченные две идеи, на самом деле, проходят через всю новую сербскую историю вплоть до наших дней.

Обратимся вначале к первой из них – национальной. В Сербии она понималась как освобождение и объединение сербских земель. К возрождению Сербского государства привели два мощных крестьянских движения – Первое и Второе сербские восстания, или, как принято называть их в историографии, – «Сербская революция»²⁶. Точно таким же путем пытались освободиться другие сербские земли, оставшиеся в составе Османской и Австрийской империй. Из самых крупных подобных попыток следует упомянуть сербское движение в Южной Венгрии во время революции 1848–1849 годов в Австрийской империи и восстания православных крестьян 1870-х годов в Боснии и Герцеговине, положившие начало Восточному кризису. «В истории сербского народа, – указывает М. Экмечич, – Великий восточный кризис играет ту же роль, что и «Сербская революция» 1804 г., революция 1848 г., объединение 1918 г. Это одна из переломных точек в истории сербского народного объединения»²⁷.

сербских земель). М., 1995. С. 43–59.

²⁴ Подробнее см.: Велика Србија. Истине, заблуде, злоупотребе. Београд, 2003.

²⁵ *Јовановић С.* Влада Александра Обреновића. Београд, 1936. Ка. III. С. 396.

²⁶ Вопрос о времени окончания «Сербской революции» остается дискуссионным. Некоторые историки завершают ее 1815 годом; другие – хатти-шерифами 1830 и 1833 гг.; есть исследователи, которые доводят ее до 1878 г. (обретение независимости) и даже до 1918 г. (объединение сербов с другими югославянами). Р. Люшич временем окончания «Сербской революции» считает 1835 г., а в ней видит военный (до 1815 г.) и мирный периоды. Подробнее см.: *Љушић Р.* Социјална револуција. Проблеми // *Љушић Р.* Србија 19. века. С. 10–11.

²⁷ *Екмечич М.* Огледи из историје. С. 154.

Мы также считаем, что крестьянское движение в Боснии и Герцеговине потенциально могло стать «Третьим сербским восстанием» и закончиться тем же, что и первые два. Однако история распорядилась иначе. В результате именно в Боснии был зажжен фитиль Первой мировой войны и прошли самые ожесточенные на югославской земле битвы во время Второй мировой войны.

Кроме того, именно Босния стала основной ареной для двух гражданских войн – в 40-е и 90-е годы XX в. О характере этих и более ранних войн можно спорить. Однако, несомненно, были в них и этнический, и религиозный компоненты. Сравнивая события 1875 г. с войнами, начавшимися в 1914, 1941 и 1992 годах, тот же М. Экмечич видит больше всего сходства с последним югославским кризисом. И действительно, лидеры боснийских сербов в ходе войны 1992–1995 годов, по их же собственным словам, пытались решить те же задачи, что и их предшественники в 1875 г.

Так или иначе, но процесс освобождения и объединения сербских земель с 1878 г. и до Первой мировой войны пошел в другом направлении, чем это было предвидено в «Начертании». В лице Австро-Венгрии Сербия получила мощную преграду на своем пути в Боснию. Ей осталось круто развернуться и расширяться на юго-восток, в сторону Македонии, и именно там, через Грецию, искать выход к морю.

Далее последовало расширение Сербии за счет Санджака (Рашки), Косово и Метохии и Вардарской Македонии после Балканских войн (1912–1913 гг.). В рамках Королевства сербов, хорватов и словенцев, образованного в 1918 г., Сербия объединилась с Черногорией, а также Воеводиной и другими населенными сербами землями бывшей Австро-Венгрии. Однако объединительный процесс не ограничился всесербским объединением, а распространился и на все югославянские земли Габсбургской монархии.

Через 70 лет при распаде Югославии начался обратный процесс. Провозглашение независимости бывшими югославскими республиками автоматически вело к новому расколу сербского народа. Более того, Сербия потеряла Черногорию, принадлежность населения которой к сербскому народу вплоть до Второй мировой войны не ставилось под сомнение, а также автономный край Косово и Метохию. Отделение Черногории было особенно болезненным. Некоторые наблюдатели назвали его второй Косовской битвой, проигранной сербским народом.

Королевство Югославия во главе с династией Карагеоргиевичей, в котором сербы занимали доминирующее положение, так и не стало устойчивым, прочным государством. Хотя его руководство, казалось бы, перепробовало все варианты региональной политики – от унитаризма до федерализма. В 1939 г. хорватские земли (две прежние бановины) были выделены в Хорватскую бановину – особую автономию с достаточно широкими полномочиями. Вслед за этим должно было, по-видимому, последовать распространение подобной автономии на словенские земли (преобразование Дравской бановины в Словенскую) и затем – образование третьей, сербской федеральной единицы (Сербской бановины). Этому, однако, помешала война. Сербская бановина так никогда и не была создана. Наоборот, забегая вперед, отметим, что на территории, на которую она могла бы теоретически претендовать, начали создаваться новые нации и новые республики.

Несмотря на все ухищрения, сербско-хорватские противоречия так и не были урегулированы. В преддверии войны они продолжали растаскивать страну, в середине которой была Босния, в разные стороны. Именно по этой оси распалась «первая», а затем и «вторая» Югославия.

«Вторая», титовская, Югославия в поисках решения национального вопроса – от формально федеративного, но по сути унитарного устройства по типу Советского Союза до фактически конфедеративного по конституции 1974 г. – в чем-то повторила путь королевской Югославии. И с тем же «успехом». Это замечено не только нами. Например, внимательный

исследователь югославского «самоуправления» П.Е. Кандель пишет: «“Вторая Югославия” не только повторила судьбу “Первой”, вновь пройдя путь от централизма до федерализации и распада. Несмотря на все различия в их общественном и политическом строе, по сути, на этой сцене была дважды поставлена одна и та же драма, сюжет которой – национальный вопрос»²⁸.

Административные границы между федеративными республиками в «титовской Югославии» фактически возвращали всю ситуацию ко времени до Первой мировой войны, реанимировали старые так называемые «исторические границы» между Австро-Венгрией, Сербией и Черногорией. Как будто бы межвоенного периода просто не существовало. Кроме того, административно из Сербии были выделены автономные края Воеводина и Косово и Метохия. Существовали планы создания также автономного края Санджак. В то же время были предложения присоединения к Сербии на правах автономии Боснии и Герцеговины, но шансов на реализацию они фактически не имели. Последняя попытка всесербского объединения была предпринята во время распада «второй Югославии» на начальном этапе югославского кризиса в первой половине 1990-х годов. Этому, как известно, жестко воспрепятствовало так называемое мировое сообщество. Таким образом, сербы вновь оказались разделенным народом. Эта проблема, которую часто называют «сербским вопросом», из XIX в. перескочила в XXI в.

С «сербским вопросом» тесно связана и проблема сербского национального самосознания. В первой половине XIX в. национальное самосознание сербов было самым развитым по сравнению с соседними народами, к концу же XX в. оно оказалось самым размытым. В этом смысле можно говорить даже о том, что процесс оформления сербской нации до сих пор еще окончательно не завершился.

В самой Сербии существуют серьезные региональные различия, есть разногласия между жителями собственно Сербии – «сербиянцами» – и живущими за Савой, Дунаем и Дриной «пречанами», между сербами из Центральной Сербии и сербами из Косово, между сербами и черногорцами (часть которых все интенсивнее формируется в отдельную от сербов нацию) и т. п. Существуют две версии сербского литературного языка (закрепленные реформой В. Караджича), а в Черногории уже на официальном уровне признается существование черногорского языка²⁹. Нельзя не сказать и о преобладании в Черногории и достаточно распространенного в Сербии латинского письма вместо родной для сербского языка кириллицы.

Отражением всех этих противоречий стало то, что с XIX в. в Сербии существовали три концепции, три взгляда на перспективы развития государства: развитие в рамках существующих границ («узкосербская»), достижение в каких-либо формах всесербского объединения («великосербская») и объединение также в каких-либо формах с другими южными славянами (югославизм).

Еще одна подобная проблема – почему сербская нация потеряла к сегодняшнему дню все свои иноконфессиональные и инорелигиозные ответвления? Почему для сербов потеря веры всегда означала потерю национальности? Многочисленные некогда сербы-католики превратились теперь в хорватов, а сербы, принявшие ислам, образовали со временем отдельную «мусульманскую», ныне – боснийскую нацию. В то же время существуют многочисленные противоположные примеры. На тех же Балканах живут албанцы – не только мусульмане, но и католики и православные.

---

²⁸ Кандель П. Югославский «Вавилон» // Мировая экономика и международные отношения. 2011. № 10. С. 105.

²⁹ См., например: *Ивић П.* Књижевни језик као инструмент културе и продукт историје народа // Историја српске културе. Горњи-Милановац; Београд, 1994. С. 49; *Јокановић Д.* Је ли Његош знао црногорски // Глас црногораца. 1999. 12 новембра.

Такую ситуацию сербский академик В. Крестич объясняет, в частности, разрывом в истории сербской государственности после уничтожения сербских средневековых государств, а также уничтожением сербской элиты после турецкого завоевания³⁰. Мы бы добавили, что сербская государственность прервалась фактически еще раз в 1918 г., когда она была растворена в государственности югославской. Сербский историк Дж. Станкович справедливо отмечает, что после 18-го года началась «демобилизация сербов». Тяжелые последствия имел также разрыв государственности после нападения на Югославию гитлеровской Германии и победы коммунистов в национально-освободительной и гражданской войнах. И вновь сильнее всего пострадал господствующий слой³¹.

На «демобилизацию» сербов, конечно, не могли не повлиять и огромные жертвы в годы двух мировых войн. Напомним, что в Первую мировую войну погибло около 1 млн. сербов. Немногом меньше, но сопоставимо погибло сербов и в годы Второй мировой войны (цифры потерь до сих пор остаются дискуссионными, в Сербии их часто завышают, в Хорватии – занижают).

Говоря о национальной политике Сербии, позволим себе затронуть еще проблему так называемых «этнических чисток». До Первого сербского восстания на территории Белградского пашалыка проживало 40–50 тыс. турок и потурченцев, а православных сербов – около 400 тыс. То есть мусульманином был почти каждый десятый. Накануне Второго сербского восстания мусульманское население сократилось вдвое и составляло уже около 24 тыс.³² В дальнейшем борьба сербского народа за независимость была также неразрывно связана с изгнанием из страны турецкого населения и прежде всего ликвидацией турецких крепостей с гарнизонами в сербских городах (1862 и 1867 гг.). Принцип был один: «чем меньше турок, тем свободнее Сербия».

Уместно вспомнить и другую часть сербского народа – черногорцев, которые под девизом «Очистим Черногорию от турецкого духа» в ночь под Рождество 1709 г. истребили несколько тысяч потурченцев. Изгнание черногорцев-мусульман продолжалось весь XVIII век.

В новой сербской истории были попытки несколько изменить такой характер борьбы за независимость. В частности, у И. Гарашанина в «Начертании» предполагалось сотрудничество с мусульманами, особенно в Герцеговине³³. Однако развития эта тенденция не получила.

Насильственные этнические перемещения происходили, разумеется, не только в Сербии, не только на Балканах и не только в XIX в. Ими изобилует весь XX век. Можно также сказать, что от «этнических чисток» в конечном счете больше всех пострадали сами сербы. Хорошо известны массовые притеснения и убийства, настоящий геноцид, развязанный против сербского населения в Независимом государстве Хорватия во время Второй мировой войны. В титовской Югославии получил дальнейшее распространение процесс выдавливания сербов и черногорцев из Косово и Метохии. Наконец, миллионы людей, и опять больше всего сербов, были изгнаны с насиженных мест в конце XX в. во время югославского кризиса, когда и получил широкое хождение термин «этнические чистки». Понятно, что периодически повторявшиеся на Балканах «этнические чистки» были связаны прежде всего с чересполосным проживанием в этом регионе разных народов, невозможностью для них жить вместе и одновременно мирно разделиться.

---

³⁰ *Крестич В.* О интеграцији и дезинтеграцији српског народа // Српско питање данас. Други конгрес српских интелектуалаца (Београд, 22–23. април 1994). Београд, 1995. С. 40.

³¹ Там же. С. 41–42.

³² *Љушић Р.* Српска револуција // *Љушић Р.* Србија 19. века. С. 17.

³³ *Он же.* Турско наслеђе у Кнежевини и Краљевини Србији // Србија 19. века (2). С. 76–77.

Не была чем-то исключительным, резко отличающим Сербию от других стран и «конституционная идея». В Сербии она, по словам С. Йовановича, означала ограничение власти князя, а впоследствии короля. Ту же цель преследовали при своем появлении конституции и в других странах. Сербию, пожалуй, отличало лишь небывалое количество принимаемых конституций.

Перечислим сначала сербские конституции: 1) так и не вступившая в действие «Сретенская конституция» 1835 г.; 2) первая действовавшая «турецкая» конституция 1838 г.; 3) конституция 1869 г. (первая написанная самими сербами); 4) известная своим либерализмом и явно обгонявшая свое время конституция 1888 г.; 5) конституция 1894 г. (возвращение конституции 1869 г.); 6) конституция 1901 г.; 7) конституция 1903 г. (восстановление конституции 1888 г.). Затем идут две югославские конституции из межвоенного периода: 1) Видовданская конституция 1921 г. и 2) октроированная конституция 1931 г. Еще четыре конституции были приняты в послевоенные годы³⁴: 1) конституция ФНРЮ 1946 г.; 2) конституционный закон 1953 г. (по значимости равный конституции и закреплявший поворот к так называемому «рабочему самоуправлению»); 3) конституция СФРЮ 1963 г. (взявшая курс на «общественное самоуправление»); 4) конституция 1974 г. (означавшая официальный переход к «социалистическому самоуправлению», но фактически вводившая конфедеративное устройство). Конституции коммунистической Югославии являлись юридическим оформлением декларируемых попыток распространения «самоуправления» на все новые стороны жизни югославского общества. После распада титовской Югославии была образована Союзная Республика Югославия в составе Сербии и Черногории, которая базировалась на конституции СРЮ от 1992 г.

Таким образом, Сербия и Югославия (все три ее «реинкарнации») имели каждая по 7 конституций. Еще одна, так называемая конституционная хартия, регулировала отношения внутри существовавшего три года (2003–2006 гг.) государственного сообщества Сербии и Черногории. Наконец, 28–29 октября 2006 г. была принята ныне действующая Конституция Республики Сербии (первая конституция сербского государства после 1903 г.).

Разумеется, такая частота принятия новых конституций характеризует крайне неустойчивый политический режим на всем 200-летнем отрезке новой сербской государственности, постоянные поиски и изменения путей развития. Об этом говорит и то, что два раза сербские короли – Александр Обренович и Петр I Карагеоргиевич – восстанавливали старые, отмененные до этого конституции, и то, что несколько раз в истории Сербии (Югославии) конституции вообще отменялись и вся власть переходила к верховному правителю.

Кстати, типичным для Сербии оказался институт наместничества, или регентства, который заслуживает особого изучения. Различные наместничества проходят через всю новую сербскую историю: регентство при смертельно больном князе Милане Обреновиче и затем до признания Портой князем его брата Михаила Обреновича (1839–1840); два регентства, возглавляемые Й. Ристичем, при малолетних будущих королях Милане (1868–1872) и Александре (1889–1893) Обреновичах; с 1914 г. регентом при своем отце Петре Карагеоргиевиче стал будущий «король-объединитель» Александр I, и, наконец, в 1934 г. после его убийства был образован регентский совет при малолетнем наследнике Петре II. «Страсть» к коллективному руководству сохранилась и в дальнейшем. После смерти Тито было фактически сформировано «регентство» над уже «больным» югославским государством, когда функционировал Президиум, составленный из представителей всех югославских республик.

Все это отражает сложный процесс складывания сербской государственности, в частности, слабость и неукорененность двух соперничавших сербских династий – Карагеоргие-

³⁴ Мы говорим лишь о югославских конституциях, оставляя за скобками республиканские сербские конституции, которые играли все же подчиненную роль.

евичей и Обреновичей (не считая третьей сербской династии Петровичей-Негошей, существовавшей в Черногории). В Сербии за почти 140-летнее поочередное нахождение на престоле представителей двух династий власть крайне редко переходила от отца к старшему сыну: фактически это случилось только дважды, когда королями стали Александр Обренович и Петр II Карагеоргиевич, да и то отца первого заставили отречься от престола, а отец второго был убит в результате теракта. Насильственное прекращение полномочий того или иного монарха было скорее правилом, чем исключением. В своей монаршей постели умерли только Милош Обренович (успевший побывать до этого в 20-летней ссылке) и Петр I Карагеоргиевич, лишенный власти своим сыном. В целом династии в Сербии менялись четыре раза: по два раза каждая³⁵.

Наконец, в 2003 г. в Сербии был застрелен премьер-министр страны З. Джинджич, который пополнил ряды сербских политиков, возглавлявших страну и умерших не своей смертью. Это случилось ровно через сто лет после убийства в мае 1903 г. в Белграде группой офицеров-заговорщиков короля Сербии Александра Обреновича и королевы Драги. Но еще раньше, в 2000 г., был убит бывший председатель Президиума Союзной Республики Сербия Иван Стамболич, отстраненный от власти еще в 1987 г. Таким образом, возглавлявшие Сербию непосредственно до и после Милошевича сербские политики закончили свой земной путь одинаково – насильственным путем. Даже исполнитель был один и тот же – сербские спецслужбы.

Тема насильственной смены власти в Сербии тесно связана с темой сербского офицерства, престижа военной службы, общей милитаризации сербской политики. На определенном этапе развития страны вместо государственного аппарата, чиновничества именно армия стала одновременно и опорой, и угрозой для правящего режима. Кстати, и в наместничества, как правило, входили военные.

Это отмечают и сербские историки. Так, Д. Джорджевич считал, что в конце XIX в. государственный аппарат из-за партийных распрей перестал быть надежной опорой правящего режима и эта роль постепенно перешла к регулярной армии, которая стала активным участником сербской политической жизни³⁶. Р. Люшич полагает, что армия приобрела новое значение и роль в политической жизни Сербии еще раньше, начиная со второго правления Михаила Обреновича, и именно он – «творец нашего милитаризма»³⁷. Можно вспомнить и известную тайную офицерскую организацию «Черная рука» во главе с Драгутином Димитриевичем-Аписом³⁸, и то, что опорой Александра Карагеоргиевича еще со времен Первой мировой войны была другая офицерская группировка, называвшаяся «Белой рукой».

Сербское офицерство стремилось сыграть в истории своей страны политическую роль и в дальнейшем. Назовем, в частности, движение четников Драголюб (Дражи) Михайловича во время Второй мировой войны, попытки руководства Югославской народной армии не допустить развала единой страны в начале 1990-х годов, наконец, упоминавшийся нами выход на политическую сцену сербских спецслужб в конце милошевичевского правления.

Офицерство пыталось заполнить нишу потомственной элиты, отсутствовавшей в Сербии после турецкого завоевания. Однако с проблемой неполной социальной структуры сербского общества связана и другая тема – более обширная и почти главная для Сербии. Имеется в виду феномен сербского крестьянства. После изгнания турок Сербия превратилась

³⁵ *Љушић Р.* Државно-друштвена и генерацијска периодизација... С. 17. Кстати, в Сербии существовала, по-видимому, реальная возможность основания еще какой-нибудь династии. По некоторым данным, глубоко скрытые претензии на сербский престол имел, например, Илия Г арашанин (1812–1874). По крайней мере, его в этом обвиняли.

³⁶ *Ђорђевић Д.* Указ. соч. С. 53–86; см. также: *Данченко С.И.* Развитие сербской государственности и Россия. 1878–1903 г. М., 1996. С. 20.

³⁷ *Љушић Р.* Михаило Обреновић (1823–1868) // *Љушић Р.* Србија 19. века. С. 133.

³⁸ Подробнее см., например: *Макензи Д.* Апис. Гениальный конспиратор. М., 2005.

в страну лично свободных мелких земельных собственников. Это дало основание многим наблюдателям и исследователям говорить о Сербии как о «рае для маленького человека», в котором существовала «земледельческая демократия».

Характерно, что в самой Сербии после обретения автономии, в отличие, например, от сопредельных Боснии или Болгарии, практически не было крупных крестьянских движений. Речь идет скорее о дворцовых переворотах, о которых мы упоминали. Бунтовать в «раю» не было серьезных причин. Консервативная крестьянская сила, возможно, мешала более быстрой модернизации страны, но одновременно придавала Сербии, несмотря на все политические катаклизмы, большую устойчивость. Впрочем, завершение Восточного кризиса в 1878 г. за редким исключением означало и для других балканских стран завершение эпохи больших крестьянских восстаний³⁹.

Огромная роль крестьянства в Сербии во многом сохранилась до наших дней. Сербия никогда бы не выстояла в период санкций и агрессии со стороны НАТО без своего крестьянства. Именно оно сумело прокормить заметно обнищавший город. Возможно также, что именно из-за позиции крестьянства Сербия вступила на путь трансформации заметно позже своих региональных соседей.

Напомним, что режим С. Милошевича во многом держался на голосах сельских избирателей, которые, в отличие от жителей Белграда и других крупных городов, всегда голосовали за социалистов. Голоса сельского населения еще больше выросли в цене в связи с известной деурбанизацией Сербии во время югославского кризиса, отъездом интеллигенции и учащейся молодежи за границу.

Но затем, как это ни парадоксально, крестьянство сыграло чуть ли не решающую роль в смещении С. Милошевича во время «малой октябрьской революции» в Белграде в 2000 г. Оно, наконец, отказало ему в поддержке и, более того, направило в Белград своих представителей на тракторах и бульдозерах. Отсюда эту революцию иногда называют «бульдозерной». В этом – известная специфика сербского отказа от коммунизма.

Но, разумеется, политическую жизнь в Сербии определяли не только военные круги или представители крестьянства. С развитием парламентаризма в Сербии⁴⁰ начинает функционировать партийная система. Уже после Святоандреивской скупщины (1858 г.) в княжестве формируются два политических течения – либералы и консерваторы. В 1881 г. создаются политические партии и происходит перегруппировка политических сил на радикалов, напредняков (прогрессистов) и либералов. Наиболее влиятельной в независимой Сербии была Радикальная партия⁴¹. Она же и вновь образованная Демократическая партия были самыми заметными сербскими политическими организациями в межвоенный период, то есть в период между двумя мировыми войнами. Эти партии чаще всего находились у власти, вступая в коалиции с другими партиями из несербских областей.

После 1945 г. партийная система в стране была полностью разрушена. Монополия на власть принадлежала Союзу коммунистов Югославии. Лишь через 45 лет, в конце 1989 – начале 1990 г., в канун первых многопартийных выборов в Сербии, партийная система стала возрождаться. Коммунисты стали социалистами, а конкуренцию им составили правые партии, некоторые из которых воспользовались старыми, «историческими» названиями.

Однако при всем различии партийных систем в Королевстве Сербии, Королевстве Югославии, СРЮ и сегодняшней Сербии у них были и общие черты. Попытки сербских партий и в межвоенный период, и в период распада титовской Югославии стать общеевропейскими успехами не имели. Во время парламентских выборов как в конце XIX в., так и в

---

³⁹ Борђевић Д. Указ. соч. С. 51.

⁴⁰ Подробнее о сербском парламентаризме будет сказано в следующей главе.

⁴¹ См.: Крстић В., Љушић Р. Програми и статути српских политичких странака до 1918. године. Београд, 1991.

конце XX в. соревновались главным образом не партийные программы, а партийные лидеры. По именам своих лидеров партии и вошли в сербскую историю: радикалы Н. Пашича, демократы Л. Давидовича, социалисты С. Милошевича, радикалы В. Шешеля и т. п. Персонафикация сербского политического поля сохраняется до сих пор.

Еще одна проблема, о которой хотелось бы сказать: позиция России и российско-балканские, в частности российско-сербские, связи. Эта проблема, кстати, в чем-то связана с крестьянской проблематикой, так как именно сербские крестьяне и раньше, и в наши дни генерируют то самое знаменитое русофильство сербского народа, о котором мы уже говорили. В то же время часть сербской элиты с известной периодичностью заглядывается на более богатый и развитый Запад. Европеизация Сербии была необходима, но без отрыва от собственных корней. Часто односторонняя ориентация, например на Австрию, приводила к глубокому расколу сербского общества. И именно поэтому падение правителей в Сербии «по некоей фатальной случайности» (выражение того же С. Йовановича)⁴² происходило в период ухудшения отношений с Россией.

В основе Восточного вопроса, как известно, лежали сложные взаимоотношения западных стран с Россией в связи с разрешением кризиса в Османской империи. Эти отношения, как правило, сводились к тому, что западные державы «выдавливали» Россию из Балкан, пытались заменить российское влияние своим, ослабить связи между русским и местными народами. Можно сказать, что западные страны (хотя они, естественно, были неоднородны) чаще играли на Балканах достаточно агрессивную роль, хотя и обвиняли в этом Россию. Вспомним два удивительных по сходству ультиматума, предъявленных Сербии Австро-Венгрией в 1914 г. и НАТО в 1999 г. Оба они были заведомо неприемлемы для сербов, изначально нацелены на войну, к которой и привели.

Политика же России по отношению к Сербии и на Балканах «в целом была обычно более консервативной и менее агрессивной, чем это нередко изображается в литературе»⁴³. Этот вывод И.С. Достян сделала для первой трети XIX в., однако его вполне можно распространить практически на весь период до Первой мировой войны.

Приход к власти югославских коммунистов в годы Второй мировой войны был во многом обеспечен военной и дипломатической поддержкой СССР. Но затем, в связи с конфликтом 1948 г., две страны балансировали даже на грани вооруженного конфликта. Однако и в этот период решимость Советского Союза начать вторжение в Югославию, по-видимому, преувеличивается.

После нормализации отношений с Югославией во второй половине 50-х годов XX в. Советский Союз уже не предпринимал усилий для изменения сложившейся расстановки сил на Балканах. Такой же фактически была политика СССР и новой России, когда начался югославский кризис. Более того, российское руководство в первой половине 1990-х годов стало, по сути, подыгрывать западным странам во главе с США, взявшим курс на перекройку карты Балкан и на их втягивание в сферу своего влияния⁴⁴.

---

⁴² *Јовановић С.* Указ. соч. С. 450.

⁴³ *Достян И.С.* Россия и балканский вопрос. Из истории русско-балканских политических связей в первой трети XIX в. М., 1972. С. 338.

⁴⁴ О российской политике на Балканах, проблемах российско-сербских отношений, сербском русофильстве см. далее.

Парламентаризм в Сербии в XX веке

Вплоть до нового времени Запад и Восток развивались достаточно изолированно друг от друга. Однако постепенное возвышение Запада и открытие им (а иногда и насильственное «взламывание») других цивилизаций полностью изменило характер всех мировых процессов. Начался технологический отрыв Запада от Востока, который к началу XX в. приобрел уже абсолютные формы. В результате Запад перестал выглядеть просто как одна из цивилизаций наряду с другими – незападными. Он стал трактоваться многими исследователями как особая «центральная», «всемирная» цивилизация, превосходящая все другие общества, а мировой исторический процесс стал представляться простым расширением западной цивилизации, поглощающей все окраинные. Это и стало фактически основой возникновения теории политической модернизации. И в этом смысле между модернизацией и «вестернизацией» (европеизацией) можно поставить знак равенства⁴⁵.

Добавим и то, что марксистское учение о смене общественно-экономических формаций – так называемая «пятичленка» – имеет в своей основе такое же линейное развитие, как и теория модернизации. Не случайно именно поэтому теория модернизации получила в России широкое распространение, именно она больше соответствовала привычному для большинства исследователей пониманию исторического процесса.

Пример модернизации в XX в. (в смысле модернизации, «догоняющей» ушедшие вперед западные образцы) дает Сербия. Причем традиционное сербское общество обладало всем «классическим» набором препятствий, которые, как считается, мешают модернизации. Они определяются как отсутствие социальной мобильности, ориентация на конечные и вечные ценности в противовес повседневным, практическим; неспособность к постоянному, каждодневному упорному труду; фатализм; этноцентризм; чувство гордости и достоинства; консервативные нормы скромности; привязанность к «своей» земле, «своему» языку; опора на обычаи и традиции; высокие моральные ориентации и пренебрежение реальными условиями существования и т. п.⁴⁶

Принято даже считать, что жизнь в традиционном обществе вообще не знает политики в современном смысле этого слова. Однако в дополнение к этим общим факторам, препятствующим модернизации, Сербия обладала и своими индивидуальными. В частности, это – неполная социальная структура сербского общества, отсутствие потомственной элиты и феномен сербского крестьянства. Мы уже упоминали, что после изгнания турок Сербия превратилась в страну лично свободных мелких земельных собственников. И это, несомненно, придавало Сербии, несмотря на все политические катаклизмы, большую устойчивость. В то же время, сохраняя традиционный уклад жизни, консервативная крестьянская сила, естественно, мешала более быстрой модернизации страны.

Именно на этом фоне в Сербии все-таки начинает развиваться парламентаризм, нормальное функционирование которого является одним из показателей успешности процесса модернизации страны. Кроме того, парламентаризм в современных условиях – один из главных показателей развитости государственности той или иной страны. Поэтому интересно проследить, как институт парламентаризма функционировал в сербском обществе, как он влиял на это общество, а оно – на него.

Наконец, упомянутые «классические» препятствия модернизации сформулированы западными творцами этой теории. Но то, что на Западе выглядит минусом, на Востоке может быть «плюсом». Ведь можно только приветствовать любовь к родной земле и языку, скром-

---

⁴⁵ См.: Ерасов Б.С. Цивилизации. Универсалии и самобытность. М., 2002. С. 362–370.

⁴⁶ Там же. С. 367–368.

ность, чувство достоинства и т. п. Таких различий масса, и гораздо более существенных. Недаром так часто цитируют слова Редьярда Киплинга о том, что «Запад есть Запад, Восток есть Восток, и вместе им не сойтись».

Развитие человеческого общества показывает, что классический Восток до сего дня почти не модернизируется или модернизируется чисто внешне. Другое дело такие страны, как Сербия, которые, по сути, никаким Востоком не являются. Или, как любят говорить некоторые сербские интеллектуалы: «Сербия – это Запад для Востока и Восток для Запада».

* * *

Начало XX в. Сербское королевство встретило и без конституции, и без парламента. Оппозиция была также разогнана. Правда, вскоре король Александр Обренович перешел к заигрыванию с оппозицией. Это выразилось в разработке новой конституции, для чего король настоял на совместной работе двух непримиримых соперников – Радикальной и Напредняцкой партий. Соглашение между ними, получившее позже название «фузия» (объединение, слияние. – *К.Н.*), вылилось в новую конституцию, которая была октроирована указом Александра Обреновича в апреле 1901 г. Эта так называемая Апрельская конституция впервые вводила в Сербии двухпалатный парламент, который состоял из скупщины и сената. В отличие от скупщины, только 1/3 сената избиралась, причем пожизненно. Из членов сената король формировал Государственный совет, функции которого расширились⁴⁷.

Система власти по Апрельской конституции продолжала оставаться авторитарной, и о возврате к парламентаризму говорить фактически было трудно. А главное – по этой конституции сербский парламент просто не успел поработать. Уже в мае 1903 г. Александр Обренович был убит офицерами-заговорщиками, и вся система власти изменилась.

Считается, что майский переворот «был одним из редких путчей, которые вместо военной диктатуры отдают власть демократически избранным представителям народа»⁴⁸. Уже на следующее утро после переворота было сформировано временное правительство, которое сразу же созвало распущенную скупщину, а она, в свою очередь, с небольшими изменениями восстановила либеральную конституцию 1888 г.

Конституция 1903 г. оказалась последней конституцией Сербии до образования югославского государства. Согласно этой конституции, Сербское королевство объявлялось наследственной конституционной монархией с народным представительством. Парламент (скупщина) получил право законодательной инициативы и контроля над государственным бюджетом. Конституция восстанавливала права и свободы граждан. Выборы в скупщину были прямыми и тайными.

Скупщина призвала на сербский престол внука основателя нового Сербского государства, 60-летнего Петра Карагеоргиевича. Он присягал уже на новой конституции 1903 г. Таким образом, после дворцового переворота 1903 г. в Сербии установился режим конституционной парламентской монархии.

Конституция обеспечивала достаточно широкий круг политических свобод, а Петр I Карагеоргиевич старался править строго по конституции, став одним из самых либеральных и популярных сербских монархов. Десятилетие после его прихода к власти вошло в историю Сербии под необычным для этой страны названием – «золотая пора», или даже «эра Перикла»⁴⁹. Конечно, в преданиях о любом «золотом веке» всегда есть большая доля преувеличения. Сербский случай – не исключение. Парламентская форма и ее реальное содер-

---

⁴⁷ См.: *Љушић Р.* Историја српске државности. Књ. 2. Србија и Црна Гора. Нови Сад, 2001. С. 213–214.

⁴⁸ *Батаковић Д., Протић М.Ст., Самарџић Н., Фотић А.* Нова историја српског народа. Београд, 2002. С. 186.

⁴⁹ *Батаковић Д., Протић М.Ст., Самарџић Н., Фотић А.* Указ. соч. С. 187.

жание расходились очень значительно. Но если принять во внимание дальнейший ход сербской истории в XX в., такую оценку можно если не принять, то вполне понять.

Главной политической силой в стране была Радикальная партия, расколовшаяся в тот период на два течения. «Староради-калы» имели в скупшине доминирующее положение, второе место в ней занимали «младорадикалы», которые в 1904 г. образовали собственную Самостоятельную радикальную партию. Эти два радикальных течения поочередно и возглавляли правительства, в том числе и в коалиции друг с другом. По существу в стране сложилась своего рода полуторпартийная политическая система: «старорадикалы» и «самостальцы» всегда имели голосов намного больше, чем все их соперники вместе взятые. В социально однородном и политически не структурированном сербском обществе избирательная процедура «не только не обеспечивала торжество плюрализма, но напротив – закрепляла политическую монополию одной-единственной партии, выражавшей интересы большинства населения»⁵⁰.

С 1912 г. Сербия входит в шестилетний период войн, когда о реальном парламентаризме можно было забыть. Хотя скупщина номинально существовала и в годы Первой мировой войны: во время знаменитого отступления сербских войск зимой 1915/1916 г. и даже в изгнании на греческом острове Корфу.

Мирная история для сербов возобновилась только 1 декабря 1918 г., когда принц-регент Александр Карагеоргиевич от имени короля Петра провозгласил в Белграде создание Королевства сербов, хорватов и словенцев (Королевства СХС). Причем в эту новую историю для сербов и других югославян «сербский народ вводили старые, усталые и опустошенные политики, образ мышления и политические взгляды которых принадлежали XIX веку»⁵¹.

Еще два с половиной года до Учредительной скупщины и принятия первой конституции нового государства длился так называемый переходный или временный (по-сербски – «провизорный») период. Попытки в этот период распространить на новые земли действие сербской конституции 1903 г. не увенчались успехом. Действие этой конституции распространилось только на Вардарскую Македонию, Косово и Метохию⁵², которые после Первой балканской войны существовали фактически вне рамок правового поля. Формально в этот период временный парламент – Временное народное представительство – все-таки существовал. Однако он не был избран, а явился результатом соглашения между различными партиями.

Фактически уже в переходный период обнаружилось главное противоречие Королевства СХС – проблема его государственного устройства. Большинство сербов, исходя из своего старого опыта, выступали за централизованное государство, похожее скорее на расширенную довоенную Сербию. Хорваты, исходя из другого опыта, были в основном приверженцами федералистских или даже конфедералистских идей. В то же время среди сербской элиты (и в значительно меньшей мере – хорватской) была распространена и концепция так называемого «интегрального югославизма». Она исходила из представления о том, что сербы, хорваты и словенцы – один народ, который только в силу различных обстоятельств оказался разделенным на три части. Главным сторонником и пропагандистом этой концепции была Демократическая партия. Таким образом, существовали три взгляда на развитие Королевства СХС: два старых – сербский и хорватский и один новый – югославян-ский⁵³. Последний был, конечно, не равноудаленным от двух первых, а – в «сербском обличье».

---

⁵⁰ Шемякин А.Л. Сербское общество на рубеже XIX–XX вв.: традиционализм и модернизация. Взгляд изнутри // Человечество на Балканах в эпоху кризисов и этнополитических столкновений XX века. СПб., 2002. С. 41, 45.

⁵¹ Димић Љ. Указ. соч. С. 34.

⁵² Сумарокова М.М. Часть I. Глава 6. Югославия // Политические системы в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. 1917–1929 гг. М., 1988. С. 226–228.

⁵³ Батаковић Д., Протић М.Ст., Самарџић Н., Фотић А. Указ. соч. С. 282.

Наконец, надо сказать и о словенской позиции. Ее суть хорошо охарактеризовал будущий главный соратник Тито Э. Кардель, словенец по национальности. Он писал, что в Словении в разных вариантах ставка делалась «на карту сербско-хорватских противоречий», а сами словенские политики выторговывали себе многие уступки, пытаясь играть «роль стрелки на весах»⁵⁴.

В ноябре 1920 г. состоялись, наконец, выборы в Учредительную скупщину. А еще через полгода, 28 июня 1921 г., в годовщину Косовской битвы в день Св. Витта (по-сербски – Видовдан) после многочисленных консультаций демократам и радикалам удалось склонить Учредительную скупщину к одобрению проекта конституции. Причем конституция была принята не конституционным, как предполагалось ранее, а простым большинством голосов.

По Видовданской конституции сербско-хорватско-словенское государство узаконивалось как парламентская наследственная монархия во главе с династией Карагеоргиевичей. О парламентаризме говорилось уже в первой статье конституции, и это было впервые в сербской истории, так как конституция 1903 г. понятие «парламентаризм» не упоминала. Однопалатная Народная скупщина (парламент) наравне с королем считалась верховным законодательным органом. Принятые скупщиной законы подлежали утверждению королем, который также имел право созыва и роспуска парламента.

Правительство объявлялась ответственным перед королем и скупщиной, но фактически оно в наибольшей степени зависело от монарха, которому принадлежало право назначения премьер-министров, отправки кабинета министров в отставку и т. п. Достаточно привести известный факт: за 10 лет видовданского режима сменилось более двадцати правительств. Причем только два правительства были заменены по решению скупщины, остальных отправил в отставку Александр Карагеоргиевич.

Тем не менее, правительство было после монарха вторым политическим центром силы в стране. Именно за преобладание в нем шла политическая борьба. Скупщина же мало что решала. С. Прибичевич, представлявший интересы сербского населения Хорватии, говорил в декабре 1925 г., что «наш парламент не имеет никакой силы, ни значения, ни авторитета, он не может ничего сделать»⁵⁵.

Принципиальных различий между конституциями 1903 г. и «видовданской» относительно трактовки парламентаризма не было. Различия были в парламентской практике. В Королевстве СХС она намного чаще противоречила провозглашенным принципам, чем это было в начале века⁵⁶. Разница была и в восприятии парламентаризма у Петра Карагеоргиевича и его сына. Во время войн и переходного периода Александр привык править единолично, привык обходиться без парламента. Привыкли к этому и политические партии, и население, среди которых парламентаризм и раньше не успел как следует укорениться.

Видовданская конституция наделяла избирательным правом только мужчин. Для женщин предстояло разработать специальный закон. Но он так и не был принят, и женщины первый раз проголосовали только в 1945 г., уже в совершенно иных условиях⁵⁷.

Первым парламентом нового югославского государства стала сама Учредительная скупщина. По указу короля именно она была преобразована в Народную скупщину, после того как принятием конституции Королевства СХС Учредительная скупщина исчерпала свои полномочия.

---

⁵⁴ Кардель Э. Из предисловия ко 2-му изданию труда «Развитие словенского национального вопроса» (Белград, 1960) // *Нация и международные отношения*. Белград, 1975. С. 19–20.

⁵⁵ Цит. по: *Сумарокова М.М.* Часть II. Глава 6. Югославия. // *Указ. соч.* С. 488.

⁵⁶ *Димић Љ.* *Указ. соч.* С. 93.

⁵⁷ *Goldstein I.* *Hrvatska 1918–2008.* Zagreb, 2008. S. 58–59.

Выборы в Учредительную скупщину определили четыре главные политические силы королевства: две правящие сербские партии – Радикальная и Демократическая и две оппозиционные – Хорватская народная крестьянская партия и Коммунистическая партия. Первые две партии ожесточенно боролись друг с другом, а оппозиция оказалась внесистемной. Коммунисты фактически взяли курс на насильственное свержение существующего строя, а Хорватская народная крестьянская партия отказалась участвовать в работе Учредительной скупщины. В начале декабря 1920 г. она по предложению своего лидера С. Радича была демонстративно переименована в Хорватскую республиканскую крестьянскую партию (ХРКП). Руководство партии заявило о своем намерении добиваться созыва Хорватского сабора и провозглашения независимой Хорватской крестьянской республики. В результате обе партии были запрещены: КПЮ еще в конце 1920 г., а ХРКП – в самом начале 1925 г.

В отличие от ХРКП, сумевшей сплотить вокруг себя все хорватское население, сербские партии не только враждовали между собой, но и действовали в основном только на территории Сербии. «Пречанские» (то есть проживавшие в бывшей Австро-Венгрии за реками Дунай, Сава и Дрина) сербы были фактически предоставлены сами себе.

Только в 1925 г., после ареста С. Радича, руководство ХРКП заявило, наконец, о признании Видовданской конституции и династии Карагеоргиевичей. Из названия партии было исключено слово «республиканская», и она была переименована в Хорватскую крестьянскую партию (ХКП). На основе этого заявления и последовавших соглашений было создано коалиционное правительство из представителей Радикальной партии и ХКП, а сам Радич выпущен на свободу. После тюремных нар он попал сразу в министерское кресло.

Итак, можно сказать, что переходный период длился в Хорватии вплоть до 1925 г. В течение этого времени ведущая хорватская партия саботировала центральную власть, в Хорватии сохранялась старая административная система и не применялись многие законы⁵⁸. Не лучше было и в других исторических областях страны. Фактически все еще существовало шесть различных правовых систем со своим законодательством и судопроизводством. В итоге за одно и то же преступление в разных областях наказывали по-разному. Многочисленные правовые пустоты заполняло нормотворчество самого Александра Карагеоргиевича⁵⁹. В этом смысле можно сказать, что переходный период длился даже до 1929 г.

Относительное сотрудничество ХКП и радикалов продолжалось всего около двух лет. (И даже в течение этого времени Радич, хотя и вошел в состав правительства, продолжал его критиковать.) В конце 1927 г. ХКП и выделившаяся из Демократической партии Независимая демократическая партия С. Прибичевича, выступавшего до этого с позиций убежденного монархиста и централиста, договорились о создании Крестьянско-демократической коалиции. Образовывался единый фронт всех ведущих «пречанских» политических сил против центральной власти. В определенной степени «Пречанский фронт» был обновлением Хорватско-сербской коалиции начала века⁶⁰. Одновременно общесербский политический фронт был окончательно раздроблен.

Между Крестьянско-демократической коалицией и правительственным большинством в скупщине разгорелась ожесточенная борьба, усугубившая хронический политический кризис, в том числе кризис парламентаризма. В стенах скупщины раздавались взаимные оскорбления и угрозы, часто доходило и до выяснения отношений на кулаках. В июне 1928 г. во время дебатов в скупщине депутат от Радикальной партии П. Рачич из пистолета убил

⁵⁸ См., например: *Силкин А.А.* Создание коалиции Н. Пашича и С. Радича и крах «видовданской политики» Белграда // Югославянская история в новое и новейшее время. М., 2002. С. 208.

⁵⁹ *Димић Љ.* Указ. соч. С. 95–96.

⁶⁰ *Батаковић Д., Протић М.Ст., Самарџић Н., Фотић А.* Указ. соч. С. 288.

двух хорватских депутатов и смертельно ранил С. Радича. «Видов-данский» парламентаризм запомнился именно этим трагическим эпизодом.

По мнению хорватского историка Иво Голдштайна, «покушение на Радича и его соратников оказало шокирующий эффект на положение в Хорватии». Оно не только решило судьбу парламентаризма в Королевстве СХС, но имело и другие далеко идущие последствия. На многие годы вперед это покушение травмировало хорватское общество и хорватско-сербские отношения. И более того: «Убийство Радича и его партийных коллег стоит в начале процесса распада Югославской монархии»⁶¹.

Интересно, что при жизни Степана Радича даже в Хорватии многие его остро критиковали. Однако когда он погиб, то все признали его заслуги, и он превратился в «Великую Личность»⁶². Много позже подобная метаморфоза произошла с сербским премьером Зораном Джинджичем. Не будучи популярным при жизни, после трагической гибели он превратился в символ сербской демократии.

По некоторым данным, и за союзом радикалов с ХКП, и за созданием Крестьянско-демократической оппозиции стоял король Александр. Его целью было недопущение единого политического фронта сербских сил, ослабление Радикальной партии и парламента путем постоянной внутрипартийной борьбы, которую разжигал Радич. Король мог выступать в этой ситуации в роли арбитра и готовить почву для захвата всей полноты власти. По сути, скупщина была не особенно нужна ни основным партиям, которые договаривались друг с другом вне парламентских процедур, ни, тем более, Александру Карагеоргиевичу. Сам С. Радич требовал от него решительных действий⁶³.

В любом случае попытки создать основы парламентского строя по Видовданской конституции потерпели крах. Государство, по словам М. Экмечича, «вместо парламентской демократии превратилось в парламентскую анархию», но еще существовало и могло существовать без парламента. Но говорить о том, что руку П. Радича направлял сам Александр Карагеоргиевич, все-таки нельзя. Радич «был один из, по крайней мере, миллиона балканских националистических неврастеников, всегда готовых умереть за свой народ»⁶⁴.

6 января 1929 г., через 10 лет после образования Королевства СХС, король, следуя примеру своего тезки из династии Обреновичей, совершил государственный переворот. Видовданская конституция была отменена, парламент распущен, все политические партии запрещены. Парламентаризм в Королевстве СХС пришел к своему печальному концу и был заменен жестким монархическим режимом, режимом личной власти Александра Карагеоргиевича, опиравшимся на армию.

Как говорилось в королевском манифесте, «пришел час, когда больше не должно быть никаких посредников между народом и королем... Парламентские институты, которыми как политическим инструментом пользовался мой блаженно почивший отец, остаются и моим идеалом. Но слепые политические страсти настолько злоупотребляли парламентской системой, что она стала препятствием всякой полезной национальной деятельности»⁶⁵.

Александр Карагеоргиевич посчитал, что 10 лет достаточно, чтобы приступить к формированию действительно интегрированного югославянского государства. 3 октября 1929 г. Королевство СХС было переименовано в Королевство Югославию. Новое название должно было символизировать государственное и национальное единство населения страны. Вслед

---

⁶¹ Goldstein I. Op. cit. S. 89.

⁶² Ibid.

⁶³ Подробнее о характере и крахе «видовданского» парламентаризма см.: Силкин А.А. Королевство сербов, хорватов и словенцев. С. 157–181.

⁶⁴ Экмечич М. Дуго кретање између клања и орања. Историја Срба у Новом веку 1492–1992. Београд, 2007. С. 408.

⁶⁵ Цит. по: Силкин А.А. Король Югославии Александр Карагеоргиевич // До и после Версаля. Политические лидеры. М., 2009. С. 19.

за этим была проведена административная реформа, по которой страна была разделена на 9 бановин и один столичный округ. Этой реформой централистские тенденции в устройстве югославского государства были доведены до своего логического завершения. В стране, наконец, с помощью Верховного законодательного совета была произведена унификация законодательства.

В первой половине XX в. в Сербии и Югославии периоды личной власти были, однако, недолгими. Через два года, в 1931 г., Александр, вновь повторив своего тезку, «даровал» народу новую конституцию. Правда, в ней говорилось уже о «народном представительстве», а не о «парламентаризме». Парламент становился двухпалатным, состоявшим не только из скупщины, но и из сената. Причем половину членов сената король назначал собственноручно. Правительство также назначалось королем и было на этот раз ответственно только перед ним. Фактически октроированная конституция сохранила за Александром всю полноту власти. Была создана своего рода смешанная система – личная власть с элементами парламентаризма. Если Видовданская конституция была шагом назад (по крайней мере, в практике применения) по сравнению с конституцией 1903 г., то конституция 1931 г. с точки зрения парламентаризма делала еще один большой шаг назад.

По октроированной конституции 1931 г. страна жила следующие десять лет. Хотя партии еще были запрещены, конституция привела к некоторой их активизации. И если новому лидеру Хорватской крестьянской партии В. Мачеку в целом удалось сохранить влияние своей партии в хорватских землях, то сербские партии оставались неконсолидированными. Более того, они были реорганизованы и дезориентированы созданием так называемой партии «правлящего режима». Вначале таковой пыталась стать Югославская радикально-крестьянская демократия, позднее – Югославская национальная партия.

Ситуация в принципе не изменилась и в период наместничества, который наступил после убийства Александра Карагеоргиевича в октябре 1934 г. в Марселе⁶⁶. После парламентских выборов в 1935 г. формирование нового правительства было поручено крупнейшему белградскому банкиру М. Стоядиновичу, который отмежевался и от своего членства в Радикальной партии, и от связи с Югославской национальной партией. Он отказался также от идеологии «интегрального югославизма» и пропагандировал так называемое «реальное югославянство», при котором национальные особенности не выпячивались, но уже и не отрицались⁶⁷.

В результате сложных переговоров в коалиционный кабинет Стоядиновича вошли частично члены Радикальной и Югославской национальной партий, словенские клерикалы А. Корошеца и мусульманская партия М. Спахо. Они образовали новую правящую партию – Югославский радикальный союз. Партия позиционировалась как единственная общегославская, но в реальности таковой так и не стала. В целом можно сказать, что, кроме неполной выборности парламента, искусственное создание сверху «партий власти» было еще одним показателем серьезной болезни югославского парламентаризма.

На выборах в декабре 1938 г. блок Стоядиновича одержал лишь незначительную победу над объединенной оппозицией во главе с Мачеком. Фактически выборы означали триумф оппозиции, в которую входили не только пречанские, но и сербские партии – Радикальная, Демократическая, Союз земледельцев. Выборы показали полный раскол сербских политических сил, часть которых входила в правящий блок, а часть – в оппозицию. В результате уже в феврале 1939 г. Стоядинович был вынужден уйти в отставку, передав руководство правительством лидеру Югославского радикального союза Д. Цветковичу – министру социальной политики в его кабинете.

---

⁶⁶ Вновь напрашивается сравнение с судьбой Александра Обреновича, убитого заговорщиками в 1903 г.

⁶⁷ Димит Љ. Указ. соч. С. 160.

Переговоры последнего с Мачеком привели к созданию в августе 1939 г. автономной Хорватской бановины. В связи с этими преобразованиями Мачек вошел в правительство в качестве вице-премьера. Правда, в тот же день скупщина была распущена, а новая уже не созвана. Даже к такой важной реформе, означавшей, по сути, кардинальное изменение государственного устройства (то есть, можно сказать, еще один государственный переворот), парламент не имел никакого отношения.

Иво Голдштайн полагает, что хотя Мачек и не считал принятое решение окончательным, он все же добился своей цели по достижению хорватской автономии внутри Югославии. Однако это «в некоторых аспектах реалистичное и хорошее решение было запоздалым... Внутренние противоречия и внешнеполитическое давление были чересчур сильными, чтобы им могли противостоять даже мудрые политические решения». К тому же даже в рядах Хорватской крестьянской партии многие считали, что Мачек продешевил. На правом националистическом фланге среди будущих усташей его вообще считали предателем, поскольку решение хорватского вопроса видели только в отделении Хорватии от Югославии⁶⁸.

Столь кардинальное изменение государственного устройства отражало полное поражение в Югославии сербских партий. Сербские партии спохватились очень поздно. Задним числом они начали говорить о забытом прежде сербском вопросе. Однако за двадцать лет существования югославского государства ими ничего не было сделано для экономической, культурной, национальной и духовной интеграции всех сербов⁶⁹.

Времени осуществить дальнейшие федеративные преобразования по созданию Сербской и Словенской бановин уже не оставалось. В Югославии успел состояться только еще один государственный переворот – из-за присоединения Югославии к Тройственному пакту. Тогда вместо наместничества престол занял провозглашенный совершеннолетним король Петр II, а правительство возглавил генерал Д. Симович⁷⁰. В его правительстве были представлены почти все партии: от правящего блока – Хорватская крестьянская партия (Мачек остался вице-премьером), словенские клерикалы, боснийско-герцеговинские мусульмане; от объединенной оппозиции – демократы, радикалы, земледельцы. Были в правительстве представители Независимой демократической партии и Югославской национальной партии. Симович (по аналогии с 1903 г.) пытался представить себя не как некоего нового диктатора, а как человека, положившего конец диктатуре. Но его кабинету довелось править всего 10 дней.

Известно, что королевская Югославия распалась после фашистской агрессии. И, как не без основания считает М. Экмечич, «без немецкого военного удара это государство само бы по себе не распалось». Место агонизирующей унитарной Югославии заняло бы государство федеративное. Труднее согласиться с другой мыслью сербского академика, что тогда смог бы все же образоваться и единый «этнически федеративный» народ, как баварцы и австрийцы среди немцев⁷¹.

После нападения на Югославию гитлеровской Германии никакого парламентаризма в стране, естественно, не было. Сама Югославия фактически перестала существовать, о ней напоминало только эмигрантское правительство в Лондоне. Подавляющее большинство югославских политических партий после оккупации страны фактически прекратили свою деятельность, а многие партийные лидеры быстро нашли общий язык с фашистскими вла-

---

⁶⁸ Goldstein I. Op. cit. S. 190–191.

⁶⁹ Димић Љ. Указ. соч. С. 197.

⁷⁰ Хорватский историк З. Раделич, не приводя дополнительных аргументов, утверждает, что путч был направлен не только против присоединения Югославии к Тройственному пакту, но и против создания Хорватской бановины (*Radelic Z. Hrvatska u Jugoslaviji 1945–1991. Od zajednistva do razlaza. Zagreb, 2006. S. 25*).

⁷¹ Экмечич М. Дуго кретање... С. 438.

стями. Например, с заявлением о поддержке новой власти выступил В. Мачек. Правда, затем никакой активности по этой линии он уже не проявлял.

В ноябре 1942 г. в Бихаче на освобожденной территории коммунисты созвали Учредительную скупщину, где были представлены левые антифашистские группы и организации. Делегаты провозгласили создание нового политического представительного органа – Антифашистского веча народного освобождения Югославии (АВНОЮ). Через год, в ноябре 1943 г., состоялась II сессия АВНОЮ в Яйце, которая приняла декларацию, определившую основы нового государства. АВНОЮ было провозглашено временным верховным законодательным и исполнительным органом власти. Функции правительства должен был выполнять Национальный комитет освобождения Югославии (НКОЮ). Деятельность эмигрантского правительства была осуждена, а королю Петру II запрещено возвращаться в страну до окончания войны.

Эмигрантское правительство и западные комментаторы оценили решения II сессии АВНОЮ как государственный переворот. Советский Союз, естественно, наоборот, воспринял эти решения положительно, направив в начале 1944 г. к партизанам свою военную миссию.

Окончательно эмигрантское правительство прекратило свое существование 7 марта 1945 г., когда было создано объединенное правительство Тито-Шубашича. 11 ноября 1945 г. в Югославии состоялись выборы в Учредительную скупщину и плебисцит по поводу государственного устройства. И то, и другое проходили под полным контролем КПЮ. Нормальным представительным органом Учредительную скупщину назвать было никак нельзя. За объединенных кандидатов возглавляемого коммунистами Народного фронта было отдано 90 % голосов. Подавляющее число избирателей проголосовало также за республиканскую форму правления.

29 ноября Учредительная скупщина провозгласила создание Федеративной Народной Республики Югославии (ФНРЮ). Еще через два месяца, 31 января 1946 г., Учредительная скупщина приняла Конституцию ФНРЮ. Высшим органом власти в стране становилась Народная скупщина, состоявшая из двух палат – Союзного веча и Веча национальностей. Начался период социалистического строительства.

После 1945 г. Югославия вновь стояла перед задачей «догоняющей» модернизации, но уже не «имитирующей» западный образец, как в первой половине века, а «альтернативной», которая имитировала другую – советскую модель. В 1945–1947 годах новая власть под руководством КПЮ провела коренные политические и социально-экономические реформы. В частности, была окончательно упразднена многопартийность.

Таким образом, после войны в парламентской истории был сделан еще один, и очень заметный, шаг назад. Более того, нормально функционирующего парламента в стране уже фактически не было. Вернее, существовал квазипарламент советского образца, который, по сути, не был ни представительным, ни законодательным, ни контролирующим органом. А был лишь органом, штампующим решения руководства компартии. И даже резкий поворот к самоуправлению после 1948 г. не принес в этом смысле особых перемен.

Эксперименты с самоуправлением продолжались до второй половины 70-х годов. Однако в реальной жизни ремонт здания югославского социализма ограничился лишь подкраской фасада. Одновременно в стране нарастали кризисные явления.

При жизни Тито югославским руководителям еще как-то удавалось их сдерживать. Однако уже с начала 1980-х годов Югославия стала неумолимо втягиваться в глубокий системный кризис. Кончилось все развалом Социалистической Федеративной Республики Югославии и чередой войн на ее бывшем пространстве. 27 апреля 1992 г. скупщины Сербии и Черногории приняли конституцию нового государства – Союзной Республики Югославии (СРЮ). В соответствии с этой конституцией Югославия объявлялась плюралисти-

ческим государством, базирующимся на парламентской демократии, законах, социальной справедливости, правах человека, свободной рыночной экономике, свободе деятельности и равноправности всех ее граждан.

Согласно конституции, законодательная власть в СРЮ принадлежала Скупшине СРЮ (союзному парламенту), состоявшей из двух палат – Веча республик и Веча граждан. Первоначально в первую палату по 20 депутатов делегировали скупщины Сербии и Черногории. Эти 20 мест заполнялись пропорционально голосам, которые получали на выборах в республиканские парламенты местные партии. После поправок к конституции эти места стали заполняться в результате прямых республиканских выборов. Во вторую палату депутатов избирало все население СРЮ (по одному от каждых 35 тысяч избирателей).

Конституционные положения представляли собой благие пожелания. В реальной жизни возник режим личной власти лидера Социалистической партии С. Милошевича с элементами парламентаризма. По сравнению с коммунистическим временем это был, несомненно, шаг вперед – по крайней мере, возникла многопартийность. Но до настоящей демократии было еще далеко.

В политической жизни Сербии в 1990-х годах были в основном представлены три политических течения с различными переходными формами: социалистическое (социал-демократическое), либерально-демократическое и националистическое. В то же время большинство голосов в союзной скупшине в течение всего десятилетия неизменно имела Социалистическая партия Сербии. В борьбе за власть она иногда блокировалась с другими политическими силами, представлявшими все оттенки политического спектра – от Радикальной партии В. Шешеля и «Новой демократии» Д. Михайловича до «Югославских левых», которых возглавляла жена С. Милошевича – М. Маркович. Такая система фактически также была полупарламентарной – по аналогии с ситуацией, сложившейся в Сербии в начале века.

Монополия социалистической партии рухнула 5 октября 2000 г., когда Милошевич пытался оспорить фактически проигранные им президентские выборы, но был лишен власти вышедшим из повиновения населением. Президентом Югославии стал В. Коштуница. Места поменялись. К власти пришла Демократическая оппозиция Сербии (ДОС) – блок небольших партий преимущественно демократической направленности, а в новой оппозиции оказались социалисты и радикальные националисты. Однако нельзя сказать, что парламентаризм в Сербии наконец-то приобрел нормальный вид.

* * *

В целом вместо прогресса в развитии парламентаризма в Сербии в XX в. наблюдался регресс. К тому же, если вычтешь все войны и годы различной степени диктатур (включая и самую длительную – коммунистическую), то получится, что сербский парламентаризм в прошлом веке существовал менее сорока лет. Но даже в свои лучшие годы такой важнейший институт государственности функционировал преимущественно как обрамление для своего рода полупарламентарной политической системы. И если при однопартийной системе парламентаризм в принципе невозможен, то и при полупарламентарной – он функционирует далеко не самым лучшим образом. Права меньшинства в Сербии и Югославии, как правило, не учитывались. Парламентаризм также часто понимался лишь как неограниченная власть большинства. Национальная идеология – будь то местный национализм, «интегральный югославизм» или «самоуправление» – сразу же превращалась в догму и насаждалась силовыми методами вплоть до диктатуры. Мало что изменилось и после прихода к власти демократов.

Вся сербская история, и XX век – не исключение, состоит из удивительных повторов. В частности, принятие новых конституций в Сербии и в первой, и во второй половине XX в. всегда обуславливалось закреплением монополии той или иной партии, находившейся

у власти. Как точно подметил В. Коштуница, говоря о последнем десятилетии прошлого века в истории своей страны: «Республиканская конституция 1990 г. была конституцией Соцпартии Сербии, федеральная конституция 1992 г. была конституцией Соцпартии Сербии и Демократической партии социалистов Черногории. Новая республиканская конституция (которая в те годы разрабатывалась в Сербии. – *К.Н.*) грозит стать конституцией ДОСа»⁷². По словам того же Коштуницы, внутри ДОСа «все подчинено интересам одной Демократической партии, а сам ДОС – современный вариант Народного фронта, в котором подобным же образом доминировала КПЮ»⁷³.

В целом задача политической модернизации, в том числе и создания полноценного института парламентаризма, по-прежнему стоит перед Сербией. Выполнить эту задачу до конца мешали отсутствие преемственности в развитии сербского общества и более того – неоднократные разрывы сербской государственности. Напомним, что в одном только XX веке это произошло несколько раз: в 1918 г., когда сербская государственность была растворена в государственности югославской; в 1943 г., когда коммунисты, проведя II сессию АВНОЮ, осуществили, по сути, государственный переворот; в 1992 г., когда распалась титовская Югославия, и наконец, в 2000 г., когда после «октябрьской революции» в Сербии произошла смена власти, покончившая с коммунистическим прошлым.

Отсюда проистекает и тот факт, что попытки модернизации в Сербии осуществлялись неоднократно. По крайней мере, три раза – в первое десятилетие XX в. и в межвоенный период; после Второй мировой войны; наконец, в настоящее время. В начале века это была модернизация «догоняющая» и «имитационная»⁷⁴. После 1945 г. – вновь «догоняющая», но уже не имитирующая западный образец, а «альтернативная». Последняя попытка модернизации частично началась еще при Милошевиче, но окончательно закрепились только после 5 октября 2000 г. Причем эту модернизацию вновь можно определить как «догоняющую» и «имитационную».

У такой политики в Сербии есть оппоненты, прежде всего на левом и национальном сегментах политического спектра, в армии и спецслужбах. По-прежнему инертной массой остается сербское крестьянство. Впрочем, и в науке у теории политической модернизации есть влиятельные оппоненты, которые не рассматривают исторический процесс столь однолинейно – через призму «вестернизации» всех государств. Они считают, что незападные общества могут пройти этапы трансформации, не ломая свой «генетический код», не отказываясь в политическом плане от суверенитета, а в культурном – от самобытности, или, как сейчас принято говорить, идентичности⁷⁵. Более того, попытки прямого внедрения западных политических стандартов в незападных обществах не дают эффекта, но могут спровоцировать многие негативные явления – рост бюрократизации и коррупции, резкое расслоение общества и т. п.

Этого не избежала и Сербия. И в целом, по-видимому, надо пытаться сохранить все-таки две системы координат для явлений, о которых мы говорим, – модернизационную (формационную) и цивилизационную. Однако это не отменяет и того факта, что, как и во многих странах с «догоняющей» модернизацией, причину невысокой эффективности различных формальных, в том числе и представительных, институтов следует все-таки искать прежде всего в отсутствии нормальной рыночной экономики, правового самосознания и гражданского общества. Именно из них постепенно вырастали представительные институты в стра-

---

⁷² Петровская Ю. Интервью с В. Коштуницей: «Влияние России на Балканах ослабевает» // «Независимая газета». 2003. 22 апреля.

⁷³ Власт замагљује агентат // «Вечерње новости». 2003. 17 мая.

⁷⁴ Подробнее о модернизации на Балканах в этот период см. семь сборников серии «Человек на Балканах», вышедшие в 2002–2012 гг. под редакцией Р.П. Гришиной и А.Л. Шемякина.

⁷⁵ См., например: *Ерасов Б.С.* Указ. соч. С. 370–376.

нах так называемой «первичной» модернизации. В странах же «вторичной», «догоняющей» модернизации телега часто была поставлена впереди лошади.

Наконец, представленный Западом либерально-демократический, рационально-материальный вариант развития сегодня сам находится в глубоком ценностном кризисе. Как отмечает Адам

Михник: «Мы верили в свободу, но, когда свобода пришла, оказалось, что свобода, реализованная в демократической системе, во всем мире переживает кризис. У нас совпали два кризиса – кризис трансформации и кризис западной демократии»⁷⁶.

Приверженцы модернизационного подхода выдвинули уже концепцию следующей стадии развития для стран, осуществивших «первичную» модернизацию, – стадии политического постмодерна, когда теряют эффективность и размываются такие классические политические институты, как бюрократическое государство, парламентаризм, массовые партии и т. п. Причем процесс размывания затрагивает и само национальное государство, суверенитет которого все больше ставится под сомнение со стороны так называемого мирового сообщества. В этих условиях предстоит ответить на вопросы, как эти процессы будут влиять на страны, осуществляющие «вторичную» модернизацию, и что предстоит делать самим этим странам, чтобы навсегда не отстать в цивилизационном развитии и не стать «новыми колониями» развитых стран.

---

⁷⁶ Михник А. Язык Манделштама – это язык свободы // Мир перемен. 2005. № 4. С. 111.

Югославский эксперимент

Воспроизводство советской модели

Королевская Югославия погибла в 1941 г. Возникновение в горниле войны «второй», титовской Югославии, казалось, давало этой стране новый шанс создания устраивающего все югославянские народы успешного общего государства. Однако югославский эксперимент, как часто называют в литературе специфичный опыт социалистического развития этой страны во второй половине XX в., окончился полным крахом и был усугублен кровавой гражданской межэтнической войной «за югославское наследство»⁷⁷. Причем причинами, которые завели югославский эксперимент в тупик, были не только присущие всем странам «реального социализма» неэффективная экономика и авторитарная политическая система (в ее экзотическом самоуправленческом варианте), но и окончившаяся полным провалом государственная национальная политика.

Национальный вопрос всегда был одним из самых главных в Югославии. Это и понятно, учитывая многонациональный состав этого существовавшего на протяжении большей части XX в. балканского государства. Несмотря на этническую близость югославян, говорящих практически на одном или очень близких языках, между ними все же было много различий, в частности в уровне экономического и культурного развития. Югославские народы объединились на этапе уже сложившихся (или, в некоторых случаях, складывавшихся) наций, у них было разное историческое прошлое, традиции, они принадлежали к разным религиям. Все это позволяло говорить даже о встрече на югославской земле различных цивилизаций.

Создавая общее государство, они решали разные задачи. Если сербы достигали, наконец, объединения всех частей своего народа в одном государстве, то хорваты и словенцы в определенной степени выбирали меньшее из двух зол и из лагеря проигравших войну переходили в стан победителей. Хотя нельзя умалять и того факта, что среди хорватов и словенцев были и искренние сторонники югославского объединения.

Подчеркнем особо, что Югославия, на наш взгляд, не была совершенно случайным образованием, как считают сейчас постфактум некоторые политики и исследователи. Но она не была, конечно, и прочным гармоничным государством, гарантированным от распада. Наоборот – любым властям Югославии предстояло все время заботиться о целостности государства, бороться с то усиливавшимися, то затухавшими центробежными тенденциями.

Сначала с подобными проблемами столкнулось руководство еще «первой», королевской Югославии. Разрешить их оно не смогло, хотя, казалось бы, перепробовало все варианты национальной и региональной политики – от жесткого унитаризма при доминировании сербской политической элиты до некоего прообраза федерализма.

Точно так же и коммунистическая партия Югославии (КПЮ) была вынуждена рассматривать различные способы решения национального вопроса. В период между двумя мировыми войнами точка зрения коммунистов по этому вопросу претерпевала сильные колебания. Обсуждалось прежде всего лучшее устройство «версальской Югославии» (но существовали и оставшиеся от их социал-демократических предшественников туманные планы Балканской федерации). В начале 1920-х годов КПЮ поддерживала идею унитар-

---

⁷⁷ Термин применительно к войнам, происходившим на территории Хорватии (1991–1995) и Боснии и Герцеговины (1992–1995), принадлежит С.Рамет (см.: *Ramet S.P. Tri Jugoslavije. Izgradnja drzave i izazov legitimacije. 1918–2005. Zagreb, 2009. S. 467–573*), однако его вполне можно распространить и на весь югославский кризис, включая военные события вокруг Косово (1998–1999 г.) и в Македонии (2001 г.).

ного государства. Затем в течение более десяти лет (1923–1935 гг.) лучшим вариантом считался противоположный – раздел Югославии на независимые национальные государства. Под влиянием Москвы накануне войны коммунисты вновь пересмотрели свои взгляды и выступали уже за югославскую федерацию⁷⁸. Неизменным оставалось лишь одно: во время всего межвоенного периода КПЮ обвиняла в угнетении других югославских народов и во всех остальных грехах «великосербскую буржуазию» как главного носителя идеи «великосербского гегемонизма».

Во время войны лидер югославских коммунистов Й. Броз-Тито ставил решение национального вопроса по важности на второе место, сразу же после задачи освобождения страны и захвата власти. Под его руководством компартия сформировала по национальному вопросу программу из трех пунктов: 1) борьба против национального неравноправия; 2) отстаивание единства Югославии как государственного объединения и 3) гарантирование в этом государстве национальных свобод⁷⁹.

Вместо культивировавшейся на последнем этапе существования королевской Югославии идеи «интегрального югославизма» и особенно в противовес кровавой межнациональной розни военного времени коммунистами стал пропагандироваться своего рода местный югославский интернационализм, выраженный в формуле – «братство и единство югославских народов». В этом духе и принимались решения на известной II сессии Антифашистского веча народного освобождения Югославии (АВНОЮ) в 1943 г. Одним из решений этого представительного органа титовских партизан было построение новой послевоенной Югославии на федеративном принципе, который, как считалось, только и способен обеспечить равноправие всех югославских народов.

Такая позиция встречала понимание самих югославын. Во многом именно из-за своей позиции по национальному вопросу коммунисты и смогли создать самое крупное движение Сопротивления на югославской земле. При этом единственной реальной силой, способной составить конкуренцию партизанам, были четники Дражи Михайловича, которые по понятным причинам могли рассчитывать только на поддержку сербов.

Четники оказались обречены, когда их перестали поддерживать англичане. По мнению югославского эмигрантского правительства в Лондоне, англичане посчитали более выгодным ориентироваться не на потенциальных русофилов – сербов Михайловича, а на хорватов, которые могли бы обеспечить Британии прозападную Югославию. Возможно, из-за национальности Тито англичане почему-то полагали коммунистическое партизанское движение преимущественно хорватским. Кроме того, разрывом с четниками Великобритания также рассчитывала оторвать хорватов от верхушки фашистского Независимого государства Хорватии и тем самым от немцев⁸⁰.

Сформулированная КПЮ политика «братства и единства» была продолжена и после войны. Однако на практике это не всегда вело к примирению, иногда такая политика даже плодила новые национальные обиды. В частности, зверства хорватских усташей на территории Хорватии и Боснии в отношении сербского населения⁸¹ не только не получили должной оценки, но и по возможности замалчивались. Считалось, что это может спровоцировать национальную рознь. Соответственно, не было и покаяния со стороны хорватов.

В результате, может быть, и из лучших побуждений, болезнь загонялась внутрь. Впрочем, надо сказать, что и никакого специального лоббизма хорватских интересов тоже не

---

⁷⁸ См.: Димић Љ. Указ. соч. С. 262, 265.

⁷⁹ Социалистическая Федеративная Республика Югославия. М., 1985. С. 50.

⁸⁰ Аникеев А.С. Указ. соч. С. 24–25, 27, 32–33, 35, 36, 45.

⁸¹ По свидетельству очевидца, планы геноцида сербов вожди будущего Независимого государства Хорватии вынашивали еще в итальянской эмиграции, причем вдохновение они черпали в турецкой резне армян во время Первой мировой войны. См.: Екмечић М. Дуго кретање... С. 444–445.

было. Коммунисты в целом не обращали внимания на национальные различия и относились ко всем своим противникам одинаково – будь то их классовые враги, коллаборационисты или местные фашисты⁸².

Главной проблемой новой власти было получение международного признания. Для этого следовало проявлять известную гибкость. Югославские коммунисты оказались на нее способны только под настойчивым давлением Москвы. 2 ноября 1944 г., сразу же после освобождения Белграда от немецких оккупантов, между Национальным комитетом освобождения Югославии (НКОЮ) и эмигрантским королевским правительством, которое тогда возглавлял И. Шубашич (глава Хорватской бановины до войны), было подписано соглашение об образовании объединенного правительства. Одновременно до Учредительного собрания (скупщины) король Петр II Карагеоргиевич был принужден уступить свои полномочия регентскому совету.

Параллельно Тито продолжал укреплять свою власть. 9-12 ноября в Белграде была созвана Великая антифашистская народно-освободительная скупщина Сербии, что фактически означало ее конституирование в качестве федеральной единицы (последней из всех югославских земель). На скупщине отмечалось огромное значение Сербии и сербского народа в борьбе против оккупантов. В то же время подчеркивалась важность борьбы с «великосербским шовинизмом», с «реакционной великосербской кликой», которая проводила политику присваивания чужих территорий и ассимиляции других народов, препятствовала их культурному и экономическому развитию. Особенной критике подверглась расширительная трактовка понятия «сербские территории», когда в их состав включались (кроме собственно Сербии) Черногория, Македония, Босния и Герцеговина. Отвергли и идею двух сербских федеральных единиц – Сербии и Черногории. Вместо этого было официально признано существование черногорской и македонской наций и поставлена задача их конституирования как отдельных федеральных единиц наравне с Сербией⁸³.

Крымская конференция руководителей трех держав антигитлеровской коалиции (февраль 1945 г.) в отношении Югославии рекомендовала немедленно ввести в действие соглашение об объединенном правительстве, а также расширить АВНОЮ за счет депутатов довоенного югославского парламента, не запятнавших себя сотрудничеством с фашистами. Объединенное правительство Демократической Федеративной Югославии было сформировано Й. Броз-Тито месяц спустя, 7 марта 1945 г., незадолго перед окончанием войны. Теперь существовало только одно правительство, представлявшее Югославию. Вице-премьером и ответственным за принятие конституции был назначен ближайший титовский соратник Э. Кардель. Представители лондонской эмиграции получили в правительстве только три места (из почти 30). Министром иностранных дел стал И. Шубашич, а одним из вице-премьеров – М. Грол (лидер преимущественно сербской по составу Демократической партии).

---

⁸² Отголоски такого подхода, когда всех стригут под одну гребенку, находят иногда место и в современной научной литературе. Например, С. Романенко фактически ставит знак равенства между Независимым государством Хорватией А. Павелича и режимом М. Недича в Сербии, между хорватскими усташами и сербскими четниками Д. Михайловича (см.: Романенко С. Между национальной и пролетарской диктатурой: Милан Недич – Дража Михайлович – Анте Павелич – Йосип Броз Тито // Тоталитаризм. Исторический опыт Восточной Европы. «Демократическое интермеццо» с коммунистическим финалом. 1944–1948. М., 2002. С. 6187). Характерно, что даже в целом прохорватски настроенная западная исследовательница С. Рамет специально оговаривает неправомочность подобного отождествления (см.: Ramet S.P. Op. cit. S. 44).

⁸³ Димитр Лб. Указ. соч. С. 284–285, 321–322.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.